Источник: Знание - сила
Дата выпуска: 2010
Номер выпуска: 07
Заглавие: Как спасали Белую дачу в годы Отечественной войны
Автор: Марина Сосенкова

Последние годы своей жизни Антон Павлович Чехов провел в Ялте. Здесь он купил участок земли, на нем заложил сад, построил дом, которые стали предметом особой гордости писателя. «Ведь здесь же до меня были пустырь и овраги, все в камнях и чертополохе, — говорил он. — А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место». Сестре писателя Марии Павловне сначала не понравился участок, выбранный для постройки, но уже через год произошедшие на нем перемены приятно удивили ее. Об этом она сказала брату, на что он заметил: «Вот так бывает и с женщинами. Когда выйдет замуж, то муж не нравится. А потом привыкнет и начнет любить мужа». Мария Павловна никогда не имела своей семьи и, одинокая, бездетная, большую часть своей жизни посвятила заботам о сохранении ялтинского дома — Белой дачи, как называли его в Ялте. Дом стал принадлежать ей на основе завещания Антона Павловича, написанного 3 августа 1901 года. После революции, в декабре 1920 года, личное владение Марии Павловны стало Домом-музеем Чехова, а она сама — его первым бессменным директором.

Седьмого ноября 1941 года немецко-фашистские войска заняли Ялту. Начались тяжелые годы оккупации, в том числе для всех сотрудников знаменитой Белой дачи. Директору Марии Павловне Чеховой, депутату городского совета, уважаемому 78-летнему человеку, предложили уехать в безопасное место. Но она обратилась к местным властям с вопросом: будут ли эвакуированы музейные экспонаты? Получив отрицательный ответ, Мария Павловна приняла единственно возможное для нее решение. «Я не могу уехать. Не могу бросить этот дом. И если я его оставлю на произвол судьбы, зачем мне нужна тогда жизнь? Я нужна здесь. Попытаюсь его сохранить».

О первых, самых трудных днях фашистской оккупации Ксения Васильевна Жукова (Михеева), пришедшая работать в музей в начале лета 1941 года сразу после окончания школы, вспоминала: «Мы стали спешно прятать портреты руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, книги, газеты. Настроение было подавленное. Как жить? Что делать? Убрать все экспонаты? Это было бы удобным поводом для немецкой комендатуры занять дом Чехова под жилье. Мария Павловна решила оставить в комнатах все на своих местах. Только поставила в витрину, где находятся фотографии писателей, актеров и друзей Чехова, открытку с портретом немецкого драматурга Г. Гауптмана».

Вскоре пришли несколько немцев и переводчик. Они осмотрели комнаты. Обратили внимание и на портрет Г. Гауптмана и одобрительно покачали головами. Открытка с изображением немецкого драматурга принадлежала Чехову и находилась в его письменном столе, где хранится и поныне. Антон Павлович высоко ценил творчество Герхарта Гауптмана, которого называл «большим драматургом». Его пьесы, вместе с произведениями Толстого и самого Чехова, были основой репертуара МХАТа. С другой стороны, имя Антона Чехова хорошо было известно в Германии. Еще в 1890 году, когда 30-летний писатель направился на Сахалин, здесь вышел первый сборник его произведений. При жизни Чехова было опубликовано 45 различных немецких изданий, в том числе первое собрание драматических произведений. Именно в Германии был открыт первый памятник писателю. Бронзовый бюст, выполненный скульптором Николаем фон Шлейфером, установлен в Баденвейлере 25 июля 1908 года, в четвертую годовщину памяти Чехова.

Немцы, пришедшие в чеховский дом, заявили, что комнаты, где были кабинет и спальня Антона Павловича, будет занимать майор Бааке. Мария Павловна категорически заявила:

- Нет, этого не будет! — и закрыла комнату на ключ. Поднявшись наверх, расплакалась — нервы не выдержали.

ЦГПБ имени А. П. Чехова

После демарша Марии Павловны немцы заняли нижний этаж дома. Кабинет и спальня Антона Павловича остались в неприкосновенности. Офицер Бааке, поселившийся в чеховской гостиной, оказался майором интендантской службы. На следующий день на всех углах Аутской улицы от самой набережной были прибиты указатели-стрелки с одним лишь словом: «Бааке». Но и новые квартиранты недолго задержались в доме, вскоре майор уехал.

«На парадной двери, — воспоминала К. В. Жукова, — он сделал надпись на немецком языке. Написал, что дом принадлежит ему, и никто без его ведома не имеет права, занять его. Спустя некоторое время пришел комендант оккупационной комендатуры с переводчиком. Прочитав эту надпись, он долго не решался войти в дом. Но любопытство взяло верх, и комендант постучался. Первым вопросом, который он задал Марии Павловне, был: «Почему такая надпись на двери?» Мария Павловна объяснила. Немец осмотрел дом и велел надпись стереть, так как она ограждает вход в дом новых хозяев. Комендант ушел. Надпись на двери Мария Павловна решила не трогать, узнав о ее «магическом» действии. И она не раз спасала дом от посягательств фашистских солдат».

Многие годы версия о том, что Белая дача уцелела во время оккупации именно благодаря этой надписи, считалась бесспорной. Эту историю рассказывали экскурсоводы в музее, ее неоднократно сообщали корреспондентам, которые интересовались обстоятельствами, при которых в годы войны дом не был ни разрушен, ни разграблен. Однако обнаруженные недавно в фондах музея документы свидетельствуют о следующем: чеховский дом не тронули потому, что он оставался музеем.

Случайно сохранился журнал учета посетителей на 1939-1940 годы под № 35 (всего таких в фондах — 44, охватывающих период с 1922-го по 1952 год). Несмотря на то, что на обложке указаны годы 1939-1940, записи продолжаются до 10 апреля 1944 года, почти до окончания оккупации Ялты 16 апреля.

Согласно этим записям, за 1942 год музей посетили 104 человека, в 1943 году — 348, в январе-марте 1944-го — 94. И значит, всего за время оккупации здесь зарегистрировано 546 посетителей. Музей, который в мирное время подчинялся Библиотеке им. В.И. Ленина в Москве и регулярно посылал туда отчеты, теперь отчитывался перед оккупационными властями. Об этом свидетельствуют пометки рядом с цифрами подсчета посетителей: «для отчета», «данные для управы». С июня 1943 года отдельно идет подсчет военных и гражданских лиц, причем военные составляют большинство. Из 302 человек (июнь 1943-го — март 1944-го) — 217 военных. В ряде случаев рядом с цифрами сделаны приписки: «экскурсия для военных офицеров», «военный штаб», «военные — румынские», «русский».

В июле 1943 года чеховский дом посетил городской голова. Об этом говорится в воспоминаниях Марии Павловны, записанных ее племянником Сергеем Михайловичем Чеховым в 1946-1948 годы, во время его приездов в Ялту. «По приходе немцев Ялтинским городским головой стал некий Анищенко. Он управлял Ялтой, делая вид, что совершает суровые поступки по отношению к гражданам. Однажды он погнал пешком партию мужчин в Симферополь якобы за хлебом, а на самом деле, чтобы спасти их от расстрела. В другой раз он приказал какого-то человека «распять» — привязать к решетке забора за руки и за ноги. Ночью его отвязали и переправили к партизанам. У Анищенки в подвале была установлена радиостанция, по которой он передавал информацию Красной Армии и партизанам. Немцы его разгадали, поймали в момент передачи и повесили».

К 1943 году относятся другие страшные воспоминания Марии Павловны о военном времени. Как-то румынские солдаты вывели из одного дома на Аутской улице всех жителей и тут же их расстреляли.

Вместе с Марией Павловной во время оккупации остались ее заместительница и верная помощница Елена Филипповна Янова, уборщица бывшая сиделка матери Пелагея Павловна Диева, и две молодые девушки-экскурсоводы -- Ксения Михеева и М. Соловьева (имя пока не установлено), умершая от голода во время войны. Погиб на фронте и единственный мужчина — садовник Григорий Карпович Бугаенко, служивший здесь много лет.

«Мария Павловна мужественно переносила оккупацию, — вспоминала К.В. Жукова.

ЦГПБ имени А. П. Чехова

— Вместе с нами она голодала и жила тем, что отдавала свои носильные вещи знакомым, которые ездили в степные районы Крыма за продуктами и там меняли их на зерно и муку. Таким же способом Мария Павловна приобретала дрова для отопления музея. В годы оккупации она перенесла две тяжелейшие болезни — брюшной тиф и воспаление легких.

Несмотря на трудные условия жизни, в доме сохранялись семейные традиции, отмечались чеховские дни. Мария Павловна сама пекла пироги или пирожки. И хотя они были из очень плохой муки, с начинкой из соленой хамсы или репчатого лука, нам казались они удивительно вкусными. Марии Павловне было приятно видеть, какое удовольствие она нам доставила».

Однажды на площадке перед парадным крыльцом появился военный в румынской форме. Он позвонил в дом, дверь ему открыла П.П. Диева. Неожиданно он ловким движением вытащил ключ из двери и хотел спрятать его в карман. Пелагея Павловна вцепилась в него, началась борьба дюжего молодца со старухой из-за ключа. Эту сцену из окна своей комнаты увидела Мария Павловна. Она вышла на балкон и стала громко свистеть в свисток. Румын испугался и убежал, оставив ключ в руках Пелагеи Павловны.

Сведения о регулярном посещении немцами чеховского дома доходили до партизан, лагерь которых был расположен в районе села Орлиное, находившегося в 35 километрах от Севастополя. Уже после смерти Марии Павловны в музей пришел бывший начальник партизанских отрядов Северцов, который рассказал, что во время немецкой оккупации партизаны бдительно следили за домиком Чехова и были осведомлены о том, что в нем происходило. Они знали, что заведующая музеем была на приеме у одного из ялтинских высокопоставленных немецких начальников с просьбой в пользу дома А.П. Чехова. Партизаны организовали наблюдение за корреспонденцией Марии Павловны, в результате знали, что та получала письма из Германии от бывшей жены ее племянника Михаила (сына старшего брата Александра), кинозвезды третьего рейха Ольги Чеховой (урожденной Книппер, родной племянницы жены Чехова - О.Л. Книппер-Чеховой). После развода с Михаилом Чеховым, известным актером, Ольга сохранила фамилию Чехова, а в начале 20-х годов, получив разрешение на выезд из Советской России, уехала в Германию. Там она сделала блестящую кинокарьеру, став государственной артисткой германского рейха, дружившей с высшими нацистскими чинами, включая Гитлера и Геринга.

Партизанам было известно, что Мария Павловна отвечала на письма Ольги Чеховой. В 1942 году Ольга приезжала в Киев, откуда прислала в Ялту письмо с такой фразой: «Милая Маша! Мы разрешаем тебе жить в ялтинском доме Антона Павловича». Вспоминая об этом после войны, Мария Павловна не знала, как истолковать эти слова, Можно предположить, что, имея в Германии громкую славу и связи, Ольга Чехова могла замолвить слово о «тете Маше» и Белой даче Чехова в Ялте. Тогда эти слова можно трактовать таким образом, что она приняла какие-то меры в этом направлении, хотела успокоить Марию Павловну, но не могла по понятным обстоятельствам сообщить подробности. Письма Ольги Чеховой, по-видимому, были уничтожены, но в архивах
музея сохранилась присланная в 1942 году из Берлина открытка с ее изображением и дарственной надписью: «Дорогой тете Маше от Ольги».

Чудом сохранилась в музее также вырезка со статьей «На родине А.П. Чехова» из газеты «Новое слово». Эта пронацистская газета издавалась на русском языке и распространялась на оккупированных территориях. Из статьи, помеченной июлем 1943 года, сквозь пропагандистскую, антибольшевистскую риторику нетрудно было понять главное: домик и другие чеховские достопримечательности в Таганроге не пострадали, а к имени Чехова, пусть даже на словах, существует особое отношение. Мария Павловна, надо полагать, использовала и это.

Вечером 15 апреля 1944 года и последующей ночью немецкие войска стали покидать Ялту. Перед самым их уходом из Крыма над домом, по свидетельствам очевидцев, пролетел советский самолет и, видимо, по ошибке сбросил две бомбы. Одна из них разорвалась около большого кедра. Ее осколки сильно поранили дерево, выбили стекла в нижнем этаже и в ка-

ГПБ имени А.П. Чехова

бинете Антона Павловича. Другая бомба упала поодаль, в саду. Мария Павловна едва успела уйти из своей комнаты, как посыпались стекла. Ночь она провела в кладовке первого этажа.

На следующий день в чеховский дом пришли работники Центрального музея Красной Армии, военные корреспонденты. По просьбе Марии Павловны один из них позвонил в Москву Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, которая в свою очередь связалась с Государственной библиотекой им. В.И. Ленина. Вскоре оттуда пришли деньги и посылка с подарками — отрезами на платья для сотрудников музея. Оказала помощь музею и Дирекция Московского Художественного театра, которая в июне передала в Ялту 5 000 рублей.

20 апреля 1944 года Мария Павловна писала О.Л. Книппер-Чеховой: «Милая моя, дорогая, родная Олечка! Русские воины здесь. Очень тяжко мне было прожить эти последние три года — много хворала, томилась и тосковала невыносимо. Обо всех думала в своем плену. После бомбежки мой Дом-музей ремонтируется уже. Я так рада, что смогу хоть немного отвлечь наших бойцов и дать им отдохнуть и забыть ужасы фронта, слушая наши рассказы и воспоминания о Чехове. Янова все время была со мною и сейчас очень хлопочет о восстановлении музея. Оля и Софочка, (Софья Ивановна Бакланова — близкий друг и личный секретарь О.Л.Книппер-Чеховой. — М.С.) милые, пожалуй, вы меня теперь и не узнаете — худая, старая и больная стала я».

Вскоре после изгнания фашистов из Крыма по приказу Сталина началось выселение татар, греков, армян. Выселение происходило внезапно. Людям приказывали выходить, кто в чем был, не позволяли брать с собою никаких вещей, кроме ручных чемоданчиков. Их сажали на грузовики и увозили в Симферополь, откуда поездами отправляли на Урал. Выселение произвело на Марию Павловну тягчайшее впечатление. Как-то она зашла по соседству в спешно оставленный татарский домик. Ее особенно потрясла брошенная, недоеденная яичница на сковородке...

Е.Ф. Яновой, гречанке по происхождению, также грозило выселение, о чем Марию Павловну предупредил начальник ялтинского КГБ. К.В. Жукова вспоминала об этом так: «Мария Павловна, схватившись за сердце, сказала: «Уж этого удара я не переживу. Звоните немедленно Молотову, я не могу остаться без нее, она моя правая рука, она так много сделала для спасения дома и меня. Если Молотов ничего не сможет сделать, я буду звонить Сталину». Но Сталину звонить не пришлось. Было дано указание оставить Янову с семьей в Ялте».

Через несколько дней после освобождения Ялты было организовано шефство над музеем, которое взял на себя военный госпиталь под руководством майора медицинской службы Бориса Васильевича Решова. Ремонтом чеховского дома занимались в основном воины, заканчивавшие лечение. В сохранившемся отчете за 1944 год директор музея писала: «Перестали хрустеть под нашими ногами стекла, и мы начали принимать большими экскурсиями наших избавителей от немецкого ига!» Это были исключительно военные из госпиталей и домов отдыха, с которых не брали платы за посещение музея. В течение месяца музей посетило более трех тысяч воинов 4-го Украинского фронта.

В июне 1944 года торжественно отмечалось в Яле 40-летие со дня смерти АЛ. Чехова. «Собрание проходило в зрительном зале кинотеатра «Спартак», — вспоминал ялтинский журналист В.П. Горбуленко — Он был заполнен трудящимися города, солдатами и офицерами Советской Армии. После доклада «Великий русский писатель-патриот АЛ. Чехов» выступила тепло встреченная Мария Павловна». На следующий день, 15 июля 1944 года, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении сестры писателя орденом Трудового Красного Знамени за успешную сорокалетнюю работу по хранению, изучению и изданию литературного наследия АЛ. Чехова. Решением Совета Народных Комиссаров СССР от 22 сентября, подписанным В. Молотовым, Марии Павловне Чеховой пожизненно была установлена персональная пенсия в размере 1000 рублей.

Из-за отсутствия материалов и рабочей силы не представлялось возможным быстро закончить полное восстановление Дома-музея. С просьбой о помощи Мария Павловна обратилась к главе Верховного Совета СССР М.И. Калинину (текст письма хранится в музее).

ГПБ имени А. П. Чехова

«Многоуважаемый и дорогой Михаил Иванович! Мы с Вами знакомы с 26 года, -- писала она. — И я так часто обращалась к Вам за советами, и Вы не отказывали мне в них. Теперь же приехать в Москву я не могу — сил уже больше нет. Непосильная борьба за время оккупации совершенно состарила меня. Конечно же, дело касается моего детища — Дома-музея. Он понемножку возвращается к жизни, но настолько понемножку, что того и гляди зачахнет. Крыши с 39 года не крашены, также и галереи, и все наружное. Я делаю все возможное, только чтобы спасти мемориальный памятник, любимый всей нашей Родиной! Вы, конечно, уже чувствуете, к чему я подхожу и с какою целью я пишу это письмо. Буду просить олифы, белил, сухих красок и стекла. Вы пришлете — я знаю. Сегодня я призову техника, который бы сделал верные измерения и определил бы количество материала. И эту смету я пришлю Вам, как только она будет готова. Помогите мне, Михаил Иванович!» Летом 1945 года в музей пригласили опытного мастера, который осмотрел крышу и обнаружил множество ран, причиненных осколками от бомб. К зиме все они были заделаны и закрашены.

После войны сохранились воспоминания троих очевидцев происходившего в ялтинском доме в годы оккупации: М.П. Чеховой, Е.Ф. Яновой и К.В. Жуковой (Михеевой). Однако никто из них никогда не говорил и не вспоминал, что в это время музей продолжал работать и принимать посетителей. Верная помощница Марии Павловны Е.Ф. Янова оставила музей через год после ее смерти. В своих воспоминаниях она писала: «...нужно молчать. Унесу с собой в могилу, а живущим это не надо знать. Сберегли дом во время оккупации, и слава Богу». К.В. Михеева (Жукова) в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Мария Павловна не выходила из своей комнаты и гитлеровцев не видела. Нет ни слова об экскурсионной деятельности чеховского дома во время оккупации и в воспоминаниях самой Марии Павловны, записанных после войны ее племянником С.М. Чеховым. И понятно, почему — посетителями были офицеры и солдаты вражеской армии, признание даже косвенного сотрудничества с которыми грозило сотрудникам музея в советские времена катастрофическими последствиями. После войны был репрессирован, объявлен «врагом народа» и выслан за «сотрудничество с оккупантами» Сергей Щеколдин — директор Воронцовского дворца в Алупке. Только потому, что Дворец-музей был открыт для посещения в годы оккупации, и лишь благодаря этому исторический памятник был сохранен и экспонаты не разграблены.

Ясно, что не было другой возможности сохранить Белую дачу, кроме той, что в смутные двадцатые годы уже однажды помогла: вновь объявить ее музеем Антона Павловича Чехова, попытаться спасти как общемировое достояние. За что Марии Павловне и ее помощницам — глубокая и искренняя благодарность потомков.

ЦГПБ имени А.П. Чехова